

МИКРОЛИТЪ

ПОРТО-ФРАНКО 3

ВЕРЛИБР

ГУЛЬКЕВИЧУ
2013

МИКРОЛПЪ

ПОРТО-ФРАНКО № 3

ТЕМА НОМЕРА:
ВЕРЛИБЪ

Литературный журнал «Микролитъ». Порто-франко №3. 2013

Главный редактор: Иван Кротов
Заместитель редактора: Александр Мартусенко
Заместитель редактора по связи
с общественностью: Павел Уваров
тел. в СПб: 8-965-761-73-44

Редколлегия: Анна Мамасенко
Андрей Насонов

Работа с интернет-ресурсами: Павел Уваров, Александр Гусев

Творческий совет: Игорь Васильев
Иван Карасев
Нина Хрущ

Верстка: Иван Кротов

На первой странице работа И. Карасева “Искажение паруса”.
В оформлении обложки использованы работы Ксении Шаравиной: “Apple” и
“Snake Fractal”

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов. Рукописи не
рецензируются и не возвращаются. Редакция не вступает в переписку с читателями.
Перепечатка материалов по согласию с редакцией.

Наш сайт: <http://microlit.intentia.su/index.html>

Адрес для писем: 352152, Краснодарский край, г. Гулькевичи, ул. Пионерская 96,
ТО «Ладомир». e-mail: wall55@mail.ru. Тел: (86160) 5-32-63

Верлибр: иллюзия свободы

Термин «верлибр» пришел в русскую литературу от французов, которые называли его «*vers libre*», то есть «свободный стих». Кратко верлибр можно охарактеризовать как форму стихосложения, которая отличается частичным или полным отсутствием рифмы, отсутствием постоянного ритма и абсолютно непредсказуемой сменой мер повтора. Верлибр, как настоящий анархист, не подчиняется основным правилам канонического стихосложения, однако все же является стихом – в нем есть разбиение на строки и написание слов с заглавной буквы в начале стиха.

Одно из самых лаконичных определений верлибра сводится к формуле: А, Б и В. Где А – акцентный стих, Б – белый стих и В – вольный стих.

Акцентный стих (тонический стих, или ударник) представляет собой форму стихосложения, которая строится на равном количестве ударений в каждой строке. При этом стоит отметить, что количество промежуточных слогов может быть любым и может располагаться абсолютно любым образом. Акцентный стих сам по себе не подразумевает обязательного отсутствия рифмы. Верлибром же считается акцентный стих без рифмы.

Многие русские былины и сказы написаны именно акцентным стихом. Наиболее удачным примером служит произведение А. Пушкина – «Сказка о попе и его работнике балде». Образцы акцентного стиха можно найти в творчестве А. Блока, З. Гиппиус, В. Маяковского, А. Белого, С. Есенина. Сегодня акцентный стих жив благодаря рэп-поэзии, однако его нельзя назвать верлибром, поскольку рэперы в основном рифмуют свои тексты.

«Белый стих» – дословный перевод французского «*vers blanc*». Хотя, по сути, цвет тут роли не играет. Речь идет о «пустом» стихе английской поэтики «*blank verse*» (*blank* – стереть, уничтожить). Для белого стиха характерно полное отсутствие рифмы, однако при этом он наследует классический стихотворный размер – «белый» ямб, «белый» анапест и т.д.

В русской литературе белый стих получил распространение в XVIII-XIX веках. Его можно найти, к примеру, у того же Пушкина – его «Маленькие трагедии» написаны белым ямбом, правда, уже в «Песнях западных славян» Александр Сергеевич от ямба отказывается. Вообще, Пушкин очень тепло отзывался о белом стихе и пророчил ему большое будущее. Незадолго до

своей дуэли поэт писал, что со временем практически вся поэзия перейдет на белый стих. Должно это было произойти, по мнению поэта, в связи с тем, что в русском языке слишком мало рифм. Это при условии, что словарный запас Александра Пушкина превышал 21 000 слов, тогда как в активном словаре нашего среднего современника немногим более 5 тысяч. Надо сказать, что гений русской поэзии был и пророком – в XX веке рифмованная поэзия, действительно, пережила серьезный кризис. Западные поэты практически полностью перешли на сторону верлибра, по достоинству оценив его возможности. Сегодня около 70% западноевропейской и американской поэзии – свободный стих.

Третий элемент формулы – вольный стих – отличает неурегулированные перепады стопности, стихи разной длины могут в нем сочетаться абсолютно свободно. Однако наличие стопности и рифмы для вольного стиха считаются обязательным условием. Вольный стих был облюбован баснописцами, отчего он еще называется «басенным стихом». К слову, практически все произведения Крылова написаны вольным стихом.

Пример вольного стиха можно найти опять же у того же Пушкина. Его стихотворение «Погасло дневное светило...» - это классический «вольный» ямб. Стоит отметить, что нерифмованный вольный стих и есть, собственно, верлибр.

Верлибрическая история в лицах

Основоположником верлибра мировая литература считает американца Уолта Уитмена. Конечно, свободный стих существовал и до Уитмена, да и после него в мире появилось немало мастеров-верлибристов: Фридрих Гёльдерлин, Стивен Крейн, Артур Рембо, Жюль Лафорг. Однако, именно благодаря Уитмену верлибр становится одной из самых популярных форм стихосложения, особенно в литературе англоязычной. И именно творчество этого поэта оказало сильнейшее влияние на мировую поэзию, а самого Уитмена после смерти назовут новатором верлибра и гениальным реформатором стиха.

Это твой час, о душа, твой свободный полет в безмолвие,
Прочь от книг, прочь от искусства, день стерт, урок окончен,
И ты раскрываешься, молчаливая, с открытыми глазами,
размышляя о том, что ты
любишь больше всего.
Ночь, сон и звезды.

(У.Уитмен «Ясная полночь»)

Француз Аллен Гинзберг – один из самых скандальных поэтов XX-го века – упоминает Уитмена в своих стихах, вероятно позиционируя себя в качестве смиренного ученика. Самым каноническим его верлибром считается «Супермаркет в Калифорнии», где как раз упоминается Уитмен:

Этим вечером, слоняясь по переулкам с больной головой и застенчиво глядя на луну, как я думал о тебе, Уолт Уитмен!

Голодный, усталый я шел покупать себе образы и забрел под неоновый свод супермаркета и вспомнил перечисленья предметов в твоих стихах.

Что за персики! Что за полутона! Покупатели вечером целыми семьями! Проходы набиты мужьями! Жены у гор авокадо, дети среди помидоров! — и ты, Гарсия Лорка, что ты делал среди арбузов?

Много об Уитмене говорил один из первых поэтов, положивших начало русской традиции верлибра, Владимир Бурич. Он практически не использовал термин «верлибрист», предпочитая называть себя «уитменистом» – продолжателем дела Уолта Уитмена. Другой мастер русского верлибра, Карен Джангиров, напротив, называл себя поэтом-верлибристом, настаивая на том, что эта формулировка более точно отражает то, чем он занимается.

Верлибр прочно укоренился в русской поэзии. Однако следует различать свободный стих, которыми были написаны русские былины и сказы, и современный русский верлибр. Эти два верлибра с исторической точки зрения – два разных явления. Фольклорный свободный стих или «предверлибр», как его называют исследователи, возник до того, как сложилась традиция классического стихосложения. Современный же верлибр возник на основе высококоразвитой стихотворной традиции XVIII-XIX веков – не зря на рубеже этих веков он выходит на мировую сцену из Германии, Франции и США, где поэтическая традиция достигли своих вершин.

Первые образцы русского свободного стиха также появились в XVIII веке. К примеру, Сумароков опубликовал сборник псалмов, переведенных им с иврита. Эти псалмы, лишённые всех признаков традиционной стихотворной формы, являются примером классического верлибра. В XIX веке дань этой стихотворной форме отдавали А. Фет, И. Тургенев, М. Михайлов. Все эти поэты занимались переводами французских и немецких авторов, поэтому их верлибры можно рассматривать, как подражание европейским коллегам. В поэзии В. Брюсова, К. Бальмонта и М. Кузмина временами прослеживается то же влияние.

Первоначально верлибром в России называли переведенные на русский язык французские стихи поэтов-символистов и главным образом стихи бельгийца Эмиля Верхарна – метрические, но не равностопные, как, например, рифмованный трехдольный верлибр с подвижной анакрузой:

Улица быстрым потоком шагов,
Плеч, и рук, и голов
Катится, в яростном шуме,
К мигу безумий,
Но вместе –
К свершеньям, к надеждам и к мести!...

(«Восстание», пер. В. Брюсова)

Первые классические верлибры русской школы появляются вместе с поэтами «серебряного века». Стоит отметить работы А. Блока, М. Цветаевой, З. Гиппиус, Ф. Сологуба. Практически все поэты начала XX века отметились хотя бы одним-двумя стихотворениями в этом жанре, и гораздо проще пересчитать по пальцам тех, кто не написал ни одного верлибра.

С другой стороны, верлибр так и не стал ни для кого основной творческой формой, в отличие от западной поэтической школы, где выросла целая плеяда поэтов-верлибристов. При всем при этом, свободный стих «серебряного века» представляет собой не творческий эксперимент, а самостоятельное явление, возникшее тогда, когда достигшие вершин стихотворной речи мастера отказываются от «вторичных признаков» стихотворной традиции в пользу большей свободы верлибра.

Ксения Шаравина: фрагмент

Я бы хотела жить с Вами в маленьком городе,
Где вечные сумерки и вечные колокола.
И в маленькой деревенской гостинице
Тонкий звон старинных часов – словно капельки времени.
И иногда, по вечерам, из какой-нибудь мансарды –
Флейта,
И сам флейтист в окне,
И большие тюльпаны на окнах.
И, может быть, Вы бы даже меня не любили...

(М. Цветаева)

Расцвет русского верлибра продолжался недолго. В 30-х годах прошлого века свободный стих был объявлен в СССР вне закона. В различных докладах он назывался «результатом разложения загнивающего буржуазного искусства», а поэты-верлибристы просто перестали печататься.

Жизнь вернулась к русскому верлибру во время «хрущевской оттепели» в 50-60 годах. С ним в это время экспериментируют авторы самых разных творческих направлений. Что интересно, в этот период верлибры начали просачиваться в печать. Интерес к свободному стиху в это время проявляли как мэтры – К.Симонов, Б.Слущкий, Д.Самойлов, И.Сельвинский, А.Вознесенский, В.Солоухин, так и молодые опальные авторы – А. Галич, Б. Окуджава, и др.

Ты можешь найти на улице копейку
И купить коробок спичек,
Ты можешь найти две копейки
И позвонить кому-нибудь из автомата,
Ну, а если звонить тебе некому,
Так зачем тебе две копейки?
Не покупать же на две копейки
Два коробка спичек!

Анна Рудева
«Статика»

(А. Галич)

В этот период в русскую литературу пришли поэты, для которых свободный стих стал основной формой стихотворчества – В. Бурич, К. Некрасова, Н. Рыленков. Они заложили основу нового «советского верлибра» – жесткого, сухого и максимально сжатого короткого стиха, напоминающего скорее афоризм, чем стихотворение.

Человечество
непотопляемое судно
Пять миллиардов
отсеков
надежды

(В.Бурич)

Позже «классикой жанра» станут произведения Г. Алексева, А.Метса и В.Куприянова.

Однако, даже несмотря на снятый властью запрет на публикацию свободного стиха, верлибр негласно оставался под запретом и осуждением долгое время, из-за чего многие советские верлибристы так и не вышли из вынужденной опалы.

Следующий взрыв интереса к свободному стиху захлестнул литературу в 1980-1990 годах. В это время началась активная публикация стихов без рифмы и ритма в газетах и журналах, сборниках и альманахах. Одновременно в литературу пришло много молодых и талантливых верлибристов, и свободный стих, наконец, занял в русской поэзии свое место.

Высокая поэзия

Если вы пишете стихи – не спешите называть себя поэтом. Стихосложение и поэзия – разные понятия. Стихосложение – это искусство, мастерство, а поэзия – таинство, которое является составляющей любого искусства.

Верлибр всегда повествователен и не предназначен для коллективного чтения перед толпой. Верлибр – как медитация. Его особый ритм и структура текста, все его многоточия и междустрочия, которых не встретишь в классической поэзии, – это и есть настоящая «свобода поэзии» или же «поэзия свободы».

Но стих, не связанный традициями и условностями рифм и размеров, все же имеет целый ряд своих правил. Так, в свободном стихе большое значение имеют паузы, которые подчеркивают нагрузку слов, или звук, делающий стих музыкальным, или таинственная глубина подтекста, без которой даже самый филигранный верлибр становится просто стихотворением, в котором отсутствует душа.

За несколько лет до своей смерти советский поэт Константин Симонов написал ироническое произведение о верлибре:

Сегодня, перед обедом, пятого сентября,
Я, находясь в Турции,
Вернее, в её территориальных водах,
Решил, что годы идут
И, чтобы успеть сочинить
Побольше стихов на разные темы,
Мне пора прощаться с рифмами.
Боже мой, сколько времени
Я угробил на их поиски,
Считал, что ищу свои,
А находил чужие.
Чаще всего
Так оно и бывает,
Только не признаются.

То ли дело верлибр
С его изумительным принципом:
“В огороде бузина,
А в Киеве дядька”,
Который теперь называется
“Потоком сознания”!

Анна Рудева
«Статика»

(«Опыт верлибра», 1976)

Поэт, очевидно, давал понять, что стихи, написанные в подобной форме, запоминаются и впечатляют так, как стихи рифмованные, только лишь, если они написаны великим автором. В основном же, к верлибру прибегают по причине лени или из нежелания выкладываться в работе целиком. И действительно, многим современным поэтам кажется, что верлибр написать намного проще, чем мучительно подбирать рифмы и соблюдать ритм. На деле же хороший верлибр написать намного сложнее, чем любое классическое стихотворение.

Свободный стих лишен формы, которая часто является эстетическим прикрытием для обычного, даже самого неудачного, стихотворения. Еще Томас Элиот писал, что автор верлибра свободен во всем, кроме необходимости писать хорошие стихи. Так что такое хороший верлибр и как его писать?

Во-первых, верлибр должен быть минималистичен и не должен содержать лишних слов. Автор верлибра не может себе позволить использовать «вспомогательные» слова для сохранения формы, как это делают поэты, пишущие рифмованные строфы. Свободный стих должен быть коротким и емким.

Я завершила мысль,
вместив ее в три слова.
Слова, как лепестки ощианных ромашек,
трепещут на столе.

(К. Некрасова)

Во-вторых, поэт, взявшийся за свободный стих, должен в совершенстве владеть рифмованной поэзией. Как и живописцу-модернисту положено иметь академическое образование за плечами, чтобы ненароком не создать безобразной мазни. Верлибр принадлежит к весьма сложному жанру, поэтому человек, не знакомый с азами поэзии, не сможет написать стихотворения даже в прозе. Начинающим же поэтам верлибр кажется доступным средством выражения мыслей и чувств, отчего в печати и в интернете можно встретить очень много низкопробных верлибров, которые пишут люди, не понимающие, что такое поэзия.

Мы видим Луну – темное небесное тело –
только потому, что она отражает солнечный свет.
Общеизвестный факт.
Я лишь незаметное темное тело,
Холодное темное тело.
И если кто-то видит во мне свет –
Значит, я просто
Отражаю Тебя.

(А. Стратулат)

Анна Рудева
«Минимализм»

В-третьих, верлибр, подобно традиционным японским танка или хокку, должен быть написан тонко, емко и максимально образно. И при этом обязан нести четко оформленную идею или мысль.

Паранойя

Передается через взгляд.

Кататония – через шепот.

Шизофрения – через шариковую ручку.

В душе нет иммунитета.

(А. Куликов)

К сожалению или к счастью, верлибр не так прост и по праву считается венцом поэтического искусства. По мнению современных критиков, почти 90% свободных стихов современности не имеют никакого отношения к поэзии. И только многодневная, напряженная работа над каждым словом поможет поэту научиться писать по-настоящему хорошие верлибры.

Игора Кора (с)

Конец приводит нас к началу
Начало знает правду о конце

Уходит день проходит год уходит
По капле
Кровь
Уходит
Из мечты

И что мечта
как не тоска
по новоявленному чуду –
не потерять
в потоке дней
забот тревог удач и неудач
случайно встреченную
родственную душу

Засушенные розы
на одно-длинно-ногой лампе
вниз головой висящие
напомнили мне
обезглавленные туши
в мясном ряду
на крюк одетые
та же участь

В законченности каждого цветка
– большого очень крохотного очень –
сумеет глаз всегда найти изъян
под
чер
ки
ва
ю
щій
его законченность

жест женст
венный прядку
поправила ручка мило
видная о!
круглая ручка много ли

надо мне
мне
любителю
законченного жеста

кто лезет в карман за спичками
кто за платком носовым
а кто за листком бумаги
вечным пером и даже
своим отношением к жизни
жизни чья суть и сущность
вертятся
вокруг куска

от тишины
лежащей камнем на душе
до тишины
исполненной прозрачности и силы –
дорога в человеческую жизнь
для тех
кто знает что такое *в е р а*

причал печаль успокоение
спокойствие причал печаль
успокоение спокойствие причал
прощение прошение прощание
неведомое недо ощущение
у мира с миром на миру
клише усталости успех успокоение

подпорченное яблоко трагедия смешно
Я так вас понимаю
и так вам скучно жить
а тут еще

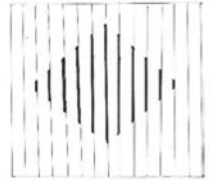
подпорченное яблоко трагедия смешно
Я так вас понимаю

не сказаться душою
тогда чем сказаться
что еще натолкнуть человека способно на мысль

.....

душа теряющая разум умирает
медленно безжалостная опухоль
растет позже чуть
чуть раньше
смерть приходит
смерть штамп казенный
украшение гербовой бумаги

Анна Рудева
«Минимализм»

СЕРГЕЙ ПУТИЛИН

Итог

Слово “преданный”
имеет
два различных значения.
Но
в итоге
они почти всегда совпадают.

Выше любви

Бедность.
Беды.
Болезни.

Бог.

Биотопливо

Полноты души имитация
Сделала нас
Биотопливом цивилизации.

Скоро

Наше время
Давно
Уже
Безвременьем беременно.

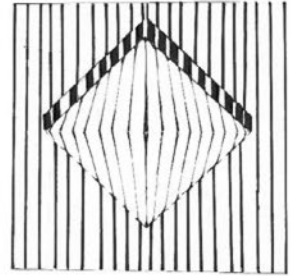
Плацебо

Нищета
Рождает
Много страхов.
Нищета духом
Ничего не меняет,
Но позволяет
Эти страхи не замечать.

Потому блаженны нищие духом.

Дмитрий Матвеевич идёт по радуге –
Припадает на левую ногу,
В вещмешке цветут одуванчики.
Смотрит вниз, сквозь носки сапог,
Дивится, что внук его перерос.
А я стою, задрав голову,
Затекая шейей:
Там, на радуге, кто-то ходит!

Белый пух падает мне на лицо.

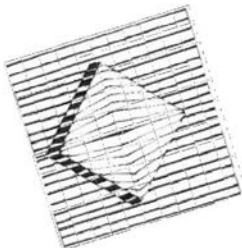
Анна Рудева
«Движение»

Маме

Плачут большие деревья дождём,
Плачут росой мотыльки на рассвете.
...
Мёртвые плачут снегом...

Золотой таракан

По стене бежит золотой таракан.
Откуда он?
У всех в голове свои тараканы.
Расплеснулся мозг,
распростёрся в далёкое –
вот один и сбежал.
Видно, светлая была голова.
А то тараканы-то что-то
всё больше
чёрные...

Гнездо

На дереве висело гнездо.
Брошенное.
А под деревом бежал ёж.
Он не видел гнезда: высоко.
И никто не видел, что там лежит
похоронка.
И никто не узнал страшное.
Умерла старушка в надежде.
Умерла сорока-воровка.
Лишь ёж бежит. Он живой,
он заслуживает внимания.

ДМИТРИЙ ПАНЧУК

Стебель-нитка и Венец

Одиноко бывает око,
Как гусеница, над муравейником
Ползущая по стеблю-нитке
Преклоненному к земле.
Как человек, ощутивший себя
Венчиком, среди прочих...

Ловец

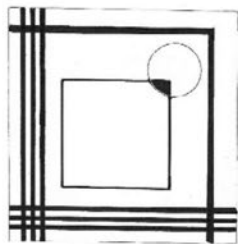
Вися на леске
Небесного Рыбака,
Дворник забыл про метлу.

Один и ночь

Шорох ночи
будит царства.
Губит, платья шорохи,
ночной жены.
Мечты строят – одинокие монахи,
в зимнем шорохе тоски
Шорох мыши, я напуган...

Ксения Шаравина
«Skull»

Анна Рудева
«Абстракция»

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ

Зверь, пожирающий время,
смотрит на меня сквозь оконное стекло,
обрастая седой щетиной,
превращаясь в моё отражение,
сквозь которое звёзды
осыпают мерцательную аритмию,
сумасшествие сердца вселенной,
расширяющегося за пределы
законного зверега взгляда...

Змей весны

Весна запускает в небо детства воздушного змея моей души.
 Там, в уголке родного неба, рис источает аромат.
 Я чувствую в нём мучения и тоску.
 Я вижу маму, она в непогоду раскладывает на просушку свою усталость,
 Переворачивает её и находит своё отражение над бороздой.
 Она упаковывает отражение ночи в долгое, от рассвета и до заката, поле.
 Она берёт кисточки и присоединяет их к нити моего змея,
 Нанизывая солнечные зёрна для урожая мечты.
 Звучит музыка и превращается в капли мёда,
 Сладкого и мелодичного в горечи села.
 Мне светло возвращаться
 К целостной моей первоначальной памяти –
 Там много зелёных полей.
 Вдруг улыбнусь –
 Мать несёт свою ношу в небо, чтобы мой змей мог взлететь ещё выше.

Ксения Шаравина
 «Thief Bat»

Уходящему, с грустью и немного музыки...

Было так:
маленький сверчок играл на скрипке
и дом наполнился её волшебными звуками.
Старый домовый прозрачно сидел в углу
и, подперев ладонью щёку,
мечтательно глядел сквозь стену
в ему одному понятную даль.
Мимо него струилось незаметное время;
а под потолком плыли пронзительные облака...
Но недавно дом снесли.
А в новой квартире тихо.
Лишь из прохуdivшегося крана капает вода.
И по ночам ревёт, надсаживаясь, какое-то существо в трубах,
не зная, как оттуда выбраться...

ПТИЦА-УКУКУЙ

...нарезает круги над миром,
высматривает невысмотренное,
выискивает невыисканное,
выжидает часа прозрачного времени,
чтобы вернуть тебя в детские сны надсознания,
из которых струятся все реки мира,
все минуты, часы и дни,
все дыхания, шаги и смыслы,
расплавленные в летучем «сейчас»,
переделанном тобой из «никогда»,
но стремящемся поскорее обратно.
Не слушай её укукуйную песнь,
не считай такты,
цифры врут,
а направление тебе известно и без неё.
Но разве это что-нибудь меняет?

Икота Кота (с)

АЛЕКСАНДР МАРТУСЕНКО

Сотворчество

Та, что подвижна, что летает и всё-таки покоится на месте, что дышит, и не дышит, и закрывает очи. Несёт всю землю в многообразии своём.

Туманы несутся прочь – грозовая туча похожа на кожаный мешок. Лёд сломлен – жертвенная трава прокладывает путь. Возгласами приветствуем поток! В объятиях возлюбленной теряется сознание... того, что вне или внутри.

Я просто проговариваю её. Родится слово, но какое? Дитя любви... в инвалидном кресле.

АНДРЕЙ НАСОНОВ

Крым

ты похож на рыбу
которую держит за хвост Украина
или просто суша
твой Симферополь ещё не закатился
в дремотное межсезонье
и тебе снова вырваться-плыть
царапая керченским плавником
азовское мелководье
пока морда облеплена
мелкой голой человеческой живностью
и Коктебель твой не молчит
(речь его обтреплена
временем и прибором)
о каком-то кучерявом человеке
стоявшем подолгу на берегу как глыба
рисовавшем водой сушу
затепливавшим звук в темноте
для входящих в неведомое без стука
но когда сходила вода
обнажая неизбежное
он говорил как рыба
которую держат за хвост
не произнося ни звука

Сотво

Та, что подвижна, что летает и всё-таки покоится на месте, что дышит, и н
Туманы несутся прочь – грозовая туча похожа на кожаный мешок. Лёд сло
объятиях возлюбленной теряется сознание... того, что вне или внутри.
Я просто проговариваю её. Родится слово, но какое? Дитя любви... в инвал

И когда солнце снова
возлюбит землю
из землицы-темницы
выйдет трава
зелёная скромница
ушные раковинки листочков
божьи коровки – клипсы
и предъявит свои права
на земную поверхность
истинная царица

Покроет поля пригорки
залечит зимние раны зелёной
спрячет жука и ящерицу
задвинет потаённые ящички
разобьёт стекло
в заброшенном доме
разорвёт асфальт и стены
и в прихожей
новый коврик застелет

И если её потопчут люди
она оживёт поднимется
и в земле лежащего
укроет *царя природы*
и согреет его и возлюбит

Икона Кота (с)

АЛЕКСАНДР МАРТУСЕНКО

ество

ышит, и закрывает очи. Несёт всю землю в многообразии своём.
ен – жертвенная трава прокладывает путь. Возгласами приветствуем поток! В
ном кресле.

Это не тюрьма!

Разбей окно
Войди внутрь себя
Это не тюрьма
Это Сад Расходящихся Тропок!

Дела завершив
вымыл руки
и молча присел у окна
старик-вдовец

долго смотрит
в октябрьские сумерки
с запахом листьев
левая рука
рассеянно
поглаживает кошку

Ксения Шаравина
«Plant Eyes»

поезд метро
шесть-семь десятков
людей
в вагоне
два-три мотылька

Ржавым гвоздём
из лошадиной подковы
Падалью
Потерянным птичьим пером
Стылыми каплями
лунного света
Дождём
Просочусь после смерти –
БУДЕМ ЖИТЬ!

Икота Кота (с)

Разговор во сне

О.Ш.

Прирастаю к облезлому подоконнику. Укореняюсь. Сегодня, видимо, будет гроза, если верить вранью синоптиков. Сижу, словно Демон Врубеля из «Третьяковки». Вокруг безумствует жизнь, делятся клетки. А я – сплю. И мне снится край света. Подойти к нему, свеситься, крикнуть: «Эй, есть кто живой?..» А в ответ: «Ой-ёй-ёй...» Эхо.

Разгадываю во сне облака. Вот это – дельфин, почему-то с книжкой-раскраской. А это – лошадь, грустная старая лошадь, везёт тележку, полную воздушных шаров. А это – мы с тобой, совсем запутались один в другом. Сплошной клубок неразрешимых противоречий. А это – маленький пятнистый дракон играет с клубком, тянет за нитку. Взял и вытянул в линию горизоннта. Всё – просто. Только нужно уметь играть. Я – разучился...

Пойдём отсюда, а? Куда-нибудь, где ветер дремлет в кафе придорожных. Где кудахчет старый автобус. Где райцентры (представляешь себе – центры рая!) с одним приличным зданием – домом культуры. Ближе к морю. Ещё не видно, но йодистый запах доносится, перебивая дым шашлыков подгоревших. И чайки кричат на руках шашлычника. Синие чайки. У меня в глазах идёт дождь. Опять чего-то боюсь. Тебя. Себя. Нас. Их. Тех, кто приходит ночами без стука. Свернусь в клубочек, с головою под одеяло.

Раковина на отмели, выброшенная прибоем. Моллюск умирает. Он без воды никак не умрет, плохо ему на земле. Раковину утром найдут, вскроют лаком, сделают сувениром. Поставят на стол или в сервант. Положат на подоконник. Над ней полплывут облака. Останется неуловимый дух йода и летнего солнца. И голос моллюска шершавый – колыбельная моря...

моя нагота
Твоя чистота

мой радиоприёмник
Твоя частота

именно здесь и сейчас
только один шанс

попробуй ещё раз

попробуй ещё раз

Каждый день
Я умираю и воскресаяю.

Каждый день
Я завтракаю, обедаю
и ужинаю.

Моя жизнь.
Моя?
Жизнь?

Я не живой и не мёртвый.
Я – мысль Бога.
Как и ты.

Анна Рудева
«Асимметрия»

ГРИГОРИЙ САХАРОВ

У этой истории нет начала.
Она не написана.

Вечно двигаться.
Вечно стоять на месте.

Быть полным ничтожеством.
Быть Богом.

Когда я произношу слово «я»,
Я уже лгу.

ехал из голода в холод
из холода в голод

ехал так молод как молод
как серп или молот

ехал приехал и вышел
и выжил

выжил но небо не ниже
ни ниже ни выше

Не верю в щит.
Не верю в меч.
Не верю в жизнь.
Не верю в смерть.
Не верю в «я».
Не верю в «Ты».
Верю в океан пустоты.

Думаю, как совершить побег,
Стою одна под луною.
Вы тоже сбежать не прочь? Не хотите другого?
Что за жизнь в шалаше, в безлюдной квартире.
Я не раз покидала ковчег,
Ночью переходила зебру,
Отправляясь куда-то по воле судьбы,
А без меня страдали любимые люди.

Стреляю в тире.
Где зайчики, уточки, мишки повзводно,
Вышколены во всём,
Качаются слева направо,
Падают сверху, выплывают снизу
Изо всех возможных позиций –
Это минимализм.
Сбитая мушка,
Не радость расстаться со своей маленькой жизнью.
Детство, юность –
Всё по спирали.
Безумство, посеянное войной –
Память в скорбящих.

Упавшая скрепка,
Лист улетает.
Медленно сгорают надежды,
Пока не обернутся белым снегом.
Ещё немного.
Подниму усталые руки.
Так возникает бардак?
Мама, не знаю.
Я большая, меня не надо ругать.
Эта ночь будет короче.
Однако,
Что-то тревожит, болит
Между явью и сном.

Ксения Шаравина
«Plants Dynamic»

АНТОН ПОГРЕБНЯК

Лист газеты
Пустой бутылкой придавлен
Здесь решались
Судьбы России.

Словно пляшет по крышам
Кровельщик пьяный
Капель дождя переключка.

Увечный вопрос –
Точку внизу ампутировали
Остался рыболовный крючок.

Анна Рудева «Движение»

ДМИТРИЙ МИРОШНИКОВ

Вся наша жизнь: танго и регетон.
Я – твой медиум смыслов,
Ты – моя книга перемен.
Расскажи сны, чтоб узнать твои страхи.
Нарисуй по звездам выкройку круговорота эпох.
Иезуит сменил инквизитора на папском престоле.
Так и мы, давай будем друг с другом честнее.

АНДРЕЙ НАСОНОВ

Пыль идёт, пыль летит
из невидимых туч,
заметая тебя, заливая пол,
плоскость стола,
глухие пределы полок,
следы на кухню,
превращая тебя в
археологический факт.
И ты случайно узнаешь,
что она давно
решила твою судьбу,
когда упадёт сквозь шторы
утренний луч
и высветит
плотную её толпу
на митинге мгновенья.

Не печалься,
Если знаешь,
Что каждый
Открытую
Рану твоего
Доверия
Калёным
Лицемерием
Прижигает!

Каждому воздастся по делам его. Улыбки бликов красочных пересечений
Времени с пространством ослепили чёрно-белый мир обыденных суждений.
Я бы стал твоим правдивым ангелом, но слаб мой голос средь твоих сомнений.

Каждому
Бог такой,
Каким он
Его видит,
Потому
Видящие
Везде ложь
Злые люди
Достойны
Жалости...
Но не суди
Их, ибо
Каждый
Из нас
От креста
На добрую
Память
Удобный
Для себя
Кусочек
Отломил.

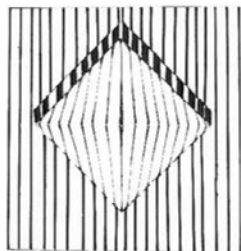

Человек всю жизнь совершает глупости.
В детстве – потому что не знает, что так нельзя
В молодости – потому что знает, что так нельзя
В зрелом возрасте – потому что знает, что так надо
В старости – потому что не знает, что надо уже не так.

И только самые просветлённые совершают глупости без каких-либо причин.

Сидишь в маршрутке и слушаешь, как разворачивается
Очередная уникальная и бесценная
Человеческая жизнь.
О, магия мобильных телефонов.

Приличного вида
Женщина средних лет
Исподтишка заглядывает
В читаемую такой же женщиной книгу.
О, интеллигенция!
Буквы для вас как наркотик.

Анна Рудева
«Движение»

Женщины
Обсуждающие причёски друг друга
На самом деле говорят
О чём-то большем
Только мне этот язык
Увы
Непонятен.

По черепу гуляет цветной ветер
пудры, фабричной штукатурки
жёлтый сливается с синим
как солнце и море
Когда испуганно смотришь на мёртвые лица людей
и не видишь в них
яркости
то начинаешь задумываться
почему ты не тот, кем должен быть, или хотя бы родиться
чтобы жить дальше.

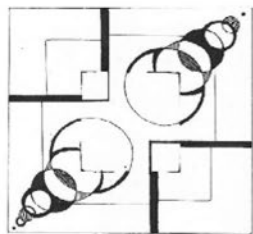
Уже слишком поздно
чтобы смотреть кино
или заглядывать в окна.
Слишком рано, чтобы раздвигать границы разума.
Ты слушаешь эти скрипичные звуки,
но не осознаёшь, сколько времени тебе осталось
на то, чтобы сидеть
и думать, думать, думать
«убивать себя» – лучшее в мире занятие, так считаешь ты
и теперь я полностью с тобой согласна

Вельветовые штаны цвета гранатового сока
ты проводишь тонкими пальцами по этой безобразной ткани
и видишь, что нет ни одной ворсинки и жизнь идёт дальше, как и
всегда
не важно, что будет завтра, главное – не быть собой снова и снова
другие видят другое, а ты смотри на солнце и жди, пока Звезда и
небо
выжгут твои глаза.
Когда луна взойдёт, ты уже не будешь так ныть
и утыкаться носом в моё плечо.
Ты просто послушай, как медленно бьётся сердце
и холодные звёзды поют унылую серенаду.

Как странно: абрикос, лежащий на земле, ничей – будучи перемещённым в ведро, становится собственностью владельца ведра. Принадлежность предметов задаётся их расположением в пространстве.

Но, сколько я ни перемещаюсь – так никому и не принадлежу.

Быть может, мне нужно купить ведро?

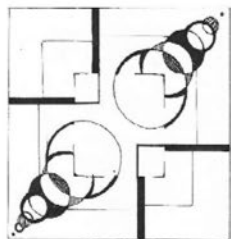

Анна Рудева
«Симметрия»

в такое утро Бог – как первоклассник,
несёт из лавки глобус голубой –
разрисовать цветистыми мелками

если писать слово Бог –
обязательно напишешь с ошибкой

мама мыла раму
рама кряхтел и отбрыкивался
мама мылила сильнее, приговаривая:
сиди спокойно, будешь чистым
рама восклицал:
я чист, и непорочен, я – бог
мама не возражала, но бралась за мочалку
богу – богово, а маме – мамово,
думал рама в своей бесконечной мудрости

Анна Рудева
«Симметрия»

божьи коровки, когда их слишком много – уже этим
красноречиво доказывают, что разница между чёрным и оранжевым –
лишь статистическая.

мухи, когда их слишком много – не доказывают ничего,
и в этом их сизифова гордость

ИВАН КРОТОВ

жизнь убегает
как молоко на плитку –
сколько не карауль
всё равно прозеваешь
как ни старайся
на наших дорогах
попадёшь в грязь
рано или поздно
дашь повод
 дашь взятку
 дашь в морду...

иной зрачок
дыре подобен
чёрной
затягивает
замедляя время
до полной
остановки
смотри –
не оступись

в школе пытался читать маркса (все читают!) засыпал на третьей странице
– понял: маркс – туфта/ в молодости собирался написать венок сонетов
(все пишут!), но бросил не потому, что сложно – скучно/ в зрелом возрасте
подумывал заработать побольше денег (все вокруг зарабатывают!)
.....
но не стал

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ

Жёлтый лист

...пробовал воздух на ощупь
и, обжигаясь, отскакивал...
Ветер подхватил его и понёс
над крышами домов и нагими деревьями –
маленькую жёлтую птицу,
которая не может сесть на ветку и отдохнуть,
потому что живёт только в полёте,
подобно ветру мыслей и чувств, подобно его тени,
заключённой в этих строках,
в этих звуках,
которым совсем не обязательно быть услышанными
для того чтобы не иметь ни начала, ни конца...

Делия. Марио

Хулио Кортасару

*Брось эту конфету. Брось её сейчас же!
Не ешь, ведь она живая, ведь это живая мышь.
(«Цирцея»)*

Делия. Марио. Утекающее дыхание.
Пряный аромат ликёров. Память о двух смертях.

Делия. Марио. Траурная процессия.
Белые клавиши-пальцы. В сумраке тает свет.

Делия. Марио... Гектор, Роло Медичи –
Конфеты со вкусом мокко и соли третьей слезы.

Делия. Марио. Рыба уснёт в аквариуме.
Ты ей жених, Марио. Рыба уснёт навсегда.

Марио, Делия складками юбок прячет
Память о море, пристани, о голубом цветке.

Марио, Делия станет твоей осенью.
В мятых лучах простыни – с неба сошла луна.

Марио, в спальне Делия... Розы и цвет портвейна.
И в синеве конвертов вести из небытия.

Узнали люди, сколько нужно молока, чтобы напоить голодную ослицу.
Узнали люди, сколько нужно хлеба, чтобы насытить странника.
Узнали люди, сколько нужно пресной воды, чтобы напоить озёра и
океаны.

Узнали люди, сколько нужно беды, чтобы встать вровень с Богом.
Узнали люди, сколько нужно войны, чтобы разом снабдить недра
кормом.

Узнали люди, сколько нужно борьбы, чтобы гидра в ладоши забила.
Узнали люди, сколько нужно судьбы, чтобы выйти на Суд в чёрном.
И узнали люди, сколько нужно смерти, чтобы нервно руки и в любви
дрожали.

Ксения Шаравина
«God of war»

что если бы в реальности
нажать Ctrl+Alt+Delete и перезапустить город,
во всем дребезжании индивидуальной бессмысленности,
во всей рвоте, откуда-то снизу, там где рождаются дети,
чтобы звонить по нулям
на все сети.

ЕЛИЗАВЕТА ДВОЕГЛАЗОВА

А если бы вещь всегда сохраняла запах,
выходя из барабана машинки
с формой моей груди...
Я умираю –
а ты бы носил и стирал, стирал и носил бы ты.

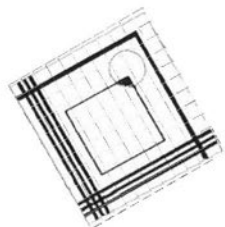
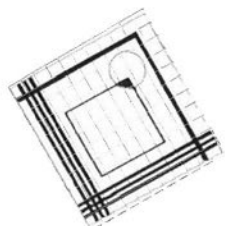
Двустигия

Когда мы умрём,
встретимся в абзацах «Улисса».

Я поверю Ницше,
только если он мне станцует.

Убираю тени с твоего века,
как пыльцу с крыла бабочки.

Порой писать стихи –
Это как скромное в пост.

Анна Рудева
«Абстракция»

Купание Синего Солнца

Ночь. Зябко. Эхо погон –
Боль под ребром.... Сон:
День. Горько. Тьма за окном –
Солнечный стон....

- Так мы умрем?
- Нет, нам тесно в чужой Смерти.

Рисунки автора

...

И мы бежали, спотыкаясь о цвета своих Роз –
Снегом над Идолом смога.

- Ты веришь в мою Старость?
- Нет. Нам грустно в чужой Жизни.

Пятнадцать мгновений в бессмертии – ... раз.
Шестнадцать мгновений в невинности – ... два.
Семнадцать мгновений вне взрослости сле....(3) Три.

- Прости.
- Но слезы твои стали Радостью.
- Мне еще холодно.

...
И Ветер уносил шепот голоса на камень узором инея
и эхом имени Синего Солнца.
Так мы бежали.

...
Любовь Еще Мечта.
Непостижимая – и этим – вечная недотрога
От Бога –
Не от беды.
Пришедшая
От свободы деяний и создаваемого –
Дающего уверенность в истинности
И подлинности Одиночества
Во времени...
Когда в Зеркальный крест смотрится Ночь.

– Они ждут смысл.

– Бежим.

...
Снежинки летят. Тонкие – рассеченный ветер.
Окунаясь в ель, катятся мартовской росой к роднику...
– Когда я расту – выпей из моего Сердца.
– Не заблужусь.
...зрения☺ – в хрусталиках в прятки играют дети

...
Так мы бежали – аккорды по грифу гитары.
– Хочешь кофе?
Утро.

Медленно,
 Год за годом,
 Привыкаешь
 К собственному телу:
 Терзаешь
 Расческой волосы,
 Выводишь
 Лимоном веснушки,
 Прячешь
 Лицо под гримом,
 Чтобы вечером,
 Глядя в зеркало,
 На лице,
 Беззащитном без краски,
 Вдруг
 Прочешь удивление
 От встречи
 С самим собой.

ТАТЬЯНА ШКОДИНА

Любить человека,
 Не знающего, что такое любовь,
 Все равно, что упорно,
 Каждый день поливать
 Фонарный столб,
 В надежде, что он зацветет
 По весне и покроется листьями.
 Глупо.
 Но меняю опять
 (Ну не странно ли?)
 Ум на любовь.
 Замыкается круг.
 И бегу я, бегу я по кругу...

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ

Время. Проекция на плоскости

Годовые кольца на старом пне –
 сжатая пружина времени,
 взлётная площадка
 для бабочек и стрекоз,
 медленно обрастающая мхом...
 Не один взгляд истлеет
 до тех пор, когда исчезнет граница
 между «вчера» и «завтра»,
 и останется только «сегодня»
 для пружины,
 которая распрямится
 в новом дереве...

Герою моего романа

Хочешь, я обниму тебя,
И ты станешь сильнее
В два раза. Мы вместе.

Хочешь, я рассмеюсь в глаза тем,
Кто хочет твоего унижения?
Мы вместе.

Хочешь, я расскажу тебе
Историю Нашей вселенной,
Чтобы ты вспомнил –
Мы нужны здесь. Мы вместе.

Гений на руках

Мамочка, посмотри,
На твоих руках спит гений,
Когда он проснётся, чему ты
Сможешь его научить?
Мы все начинаем как гении. Чем мы
становимся?

Мамочка, подумай хорошо,
Что ты можешь сделать,
Чтобы не убить его мозг раньше,
Чем это сделают другие – бывшие гении.

АНДРЕЙ СУРКОВ

ковыль шоссейных фонарей
волнуется под натиском Луны,
спадая в приторный осадок
на дне стакана Ночи
в ненатопленном плацкарте, что застрял
на безымянной станции по Млечному Пути

ЛЮБОВЬ ПАХОМОВА

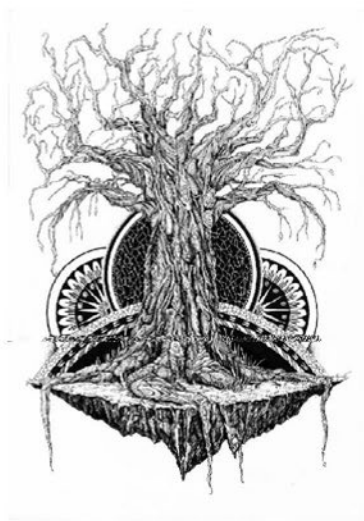
Я иду в тишине,
Теплым светом заката люблюсь.
Как большая гравюра,
Мир заснеженный сопок далёких,
А над ними в сиреновом небе
Первых звёзд голубые глаза.

Ксения Шаравина
«Plants Dynamic»

НАТАЛЬЯ ПОКОЛОДА

Завлекают прохожих лакированные лютики.
Смело и с любопытством заглядывают в лица с обочины.
Жаль, никто не заинтересовался.

Ксения Шаравина
«Alone titan»

ВАЛЕРИЙ МИРОНОВ

Я сдуваю снежинки с ресниц
они не улетают,
тают в моём дыхании.
Каждая снежинка драгоценна,
она неповторима.
Бог расточителен и щедр,
Его любовь безгранична.
Он осыпает нас ледяными цветами,
создавая корону на Твоей голове.
Ты – снегурочка моего детства!

Независимость

Мы независимо покупаем сигареты и алкоголь,
Мы независимо смотрим телевизоры,
Мы независимо слушаем музыку,
Мы независимо не можем уснуть ночью,
Мы независимо ищем в рамке дня тех, кого любим,
Мы независимо следуем моде,
Мы независимо слушаем окружающих,
Мы независимо хотим добиться большего,
Чтобы также независимо мы поднялись в глазах
независимой массы людей;
Мы независимо обсуждаем в кулуарах начальство,
Которое нас, независимых, независимо делает зависимыми.
Мы независимы.
Я независимо написал этот верлибр,
Чтобы вы независимо прочитали его
И задумались: «Мы независимы?»

Анна Рудева
«Асимметрия»

ЕЛИЗАВЕТА ШКИТЫРЬ

Она не из тех, кто прощения просит, она милосердием не награждена.
Она забывает, где утомляются ночи, она как всегда непременно бодря.
Она твоя жизнь, твоя судьба.

Лист падает и угасает.
Человек уходит – не возвращается.
Ветра не обижаются – они просят прощения за все происходящее.

Запах листа с замирающей каплей дарит покой.
Но капля, сорвавшись, уносит мимолетную слабость с собой.

ПЕРСОНАЛИИ

- Баженова Лариса г. Рига, Латвия.
Бобылёв Дмитрий г. Нижний Тагил. Филолог.
Волколев Арсений г. Краснодар.
Гусев Александр г. Краснодар. Руководитель ПМКИЦМПУДММОГК (лито "Интенция").
Двоглазова Елизавета г. Краснодар. Филолог.
Жукова Полина г. Краснодар. Филолог.
Иванов Виталий г. Краснодар.
Кротов Иван г. Гулькевичи.
Ленская Наташа г. Молодечно, Беларусь.
Мамаенко Анна г. Краснодар. Выпускник литинститута им. Горького. Член Союза журналистов.
Мартусенко Александр г. Краснодар.
Миронов Валерий г. Краснодар.
Мирошников Дмитрий г. Краснодар.
Насонов Андрей г. Краснодар. Кандидат биологических наук. Региональный редактор издания «Интеллигент».
Очеретянский Александр г. Фэйр-Лоун, США. С 1989 г. издаёт литературно-визуальный альманах «Черновик».
Панчук Дмитрий г. Северодвинск. Журналист.
Пахомова Любовь г. Краснодар.
Петропавловский Евгений г. Краснодар. Член Союза российских писателей.
Поколода Наталья ст. Родниковская.
Погребняк Антон г. Санкт-Петербург. Магистр физики.
Путилин Сергей г. Липецк.
Рудева Анна г. Санкт-Петербург. Художник-график.
Сахаров Григорий г. Орёл. Выпускник литинститута им. Горького.
Сурков Андрей г. Краснодар.
То Нгок Тхать г. Хайфон, Вьетнам. Член Союза писателей Вьетнама. Доктор философии.
Филмор Плэйс г. Минск, Беларусь.
Франич Артём г. Краснодар. Филолог.
Франич Коста г. Краснодар. Филолог.
Хрущ Нина г. Гулькевичи. Член Союза писателей России.
Шаравина Ксения г. Москва. Художник-график.
Шкитырь Елизавета г. Москва.

ISSN 2308-0744

9 772308 074007